

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
«ГОРЯЧИЙ СНЕГ» Ю.БОНДАРЕВА И «ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ»
Б.АКУНИНА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Холтураева Маржона

Магистрант первого курса, СамГУ имени Шарофа Рашидова

marjonaxoltorayeva47@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется функционирование военной лексики в двух принципиально различных по художественной природе прозаических текстах: романе Юрия Бондарева «Горячий снег» (1969) и детективном романе Бориса Акунина «Турецкий гамбит» (1998). Методологическую основу работы составляют положения функциональной лексикологии, концепция В. В. Виноградова о лексико-семантических группах, а также принципы контекстуального и сопоставительного анализа. Выявлено, что в тексте Бондарева военная лексика выполняет референтивную, характерологическую и экспрессивно-оценочную функции, тогда как у Акунина тот же пласт лексики используется преимущественно в целях создания исторического колорита и игровой стилизации. Установлено, что в обоих романах терминологическая составляющая военного лексикона подвергается контекстуальной трансформации, однако механизмы и цели этой трансформации принципиально расходятся. Полученные результаты вносят вклад в изучение специальной лексики как художественного инструмента.

Ключевые слова: военная лексика, функциональная стилистика, Бондарев, Акунин, лексико-семантическая группа, историческая проза, терминология, контекстуальная трансформация, художественный текст.

Проблема функционирования специальной лексики в художественном тексте принадлежит к числу тех, что на протяжении десятилетий сохраняют свою теоретическую значимость, не утрачивая при этом практической остроты. Военный язык – один из наиболее разработанных и вместе с тем наименее изученных в своей художественной проекции пластов русской лексической системы. Это объясняется прежде всего тем, что военная терминология существует сразу в нескольких режимах употребления: как строго регламентированный профессиональный код, как объект литературной стилизации и как носитель культурной памяти о войне.

Обращение к романам Ю.В.Бондарева и Б.Акунина в данном контексте представляется особенно продуктивным: оба писателя работают с военной тематикой, однако принадлежат к разным литературным традициям, преследуют различные художественные задачи и формируют принципиально несхожие типы читательского восприятия. «Горячий снег» – текст, укоренённый в опыте непосредственного свидетеля событий Второй мировой войны; «Турецкий гамбит» – постмодернистская

ретро-стилизация, воссоздающая русско-турецкую войну 1877–1878 годов через призму детективного жанра.

Понятие «военная лексика» не имеет единого определения в научной литературе. В широком толковании оно охватывает терминосистему военного дела, профессиональный жаргон военнослужащих, а также слова и выражения, функционирующие в текстах военной тематики, но не обязательно относящиеся к числу терминов в строгом смысле [5, с. 34–36]. Л.А.Новиков, разграничивая «термин» и «слово в тексте», подчёркивал, что в художественном произведении терминологическая единица неизбежно претерпевает семантические сдвиги под воздействием контекста [3, с. 212].

В.В.Виноградов применительно к категории «образ автора» разработал положение о том, что специальная лексика в художественном тексте всегда несёт двойную нагрузку: денотативную – отсылая к реальному классу явлений – и коннотативную – формируя авторскую оценку и читательское восприятие [1, с. 118–121]. Это положение принципиально важно для нашего анализа, поскольку позволяет рассматривать военную терминологию не как инородный вкрапление специального текста в художественный, а как органичный элемент авторской стратегии.

Д.Н.Шмелёв предложил разграничивать «функции слова» и «функции лексического значения», указывая, что одна и та же единица может выполнять разные функции в зависимости от типа текста [2, с. 78]. Применительно к военной лексике это разграничение оказывается особенно значимым: слово «батарея» в тексте устава и в тексте романа Бондарева – это одна лексическая единица с принципиально различными функциональными характеристиками.

Среди работ последних лет следует выделить исследование М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой [4], посвящённое языку современного военного дискурса, а также монографию А.С.Пиперски [6], в которой рассматриваются механизмы адаптации профессиональной лексики в массовой культуре. Последняя работа особенно релевантна применительно к текстам Акунина, создающего «беллетристическую» версию военного языка.

«Горячий снег» – роман, центральным событием которого является артиллерийский бой на подступах к Сталинграду в декабре 1942 года. По наблюдениям А.И.Овчаренко, исследовавшего творчество Бондарева в контексте «военной прозы» второй половины XX века, достоверность изображения боевых действий достигается в том числе за счёт точного и насыщенного использования военной терминологии [7, с. 156].

Военная лексика «Горячего снега» может быть систематизирована по нескольким тематическим группам. Первую и наиболее обширную составляют наименования воинских подразделений и должностей: «дивизия», «полк», «батарея», «взвод», «командир орудия», «начальник штаба», «комбат». Употребление этих единиц строго соответствует их денотативному значению — Бондарев не допускает терминологических вольностей, что само по себе является стилистически значимым

приёмом: читатель ощущает присутствие реального военного устройства, а не его литературного симулякра.

Вторая группа – наименования вооружения и техники. Здесь особого внимания заслуживает функционирование слов «сорокапятка» и «шестидюймовка» – просторечных обозначений артиллерийских орудий. В отличие от официальных наименований («орудие калибра 45 мм»), эти единицы принадлежат к военному профессиональному жаргону и маркируют принадлежность персонажей к определённой речевой среде. Бондарев использует жаргонизмы как инструмент характерологии: речь персонажей оказывается формой самоидентификации. Это согласуется с наблюдением Е.А.Земской о том, что профессиональный жаргон выражает «чувство цехового братства» [8, с. 47].

Третья группа – лексика боевого действия: «огонь», «залп», «атака», «контрудар», «отступление», «рубеж обороны». Показательна контекстуальная деформация слова «огонь»: в тексте романа оно функционирует одновременно как военный термин («открыть огонь») и как элемент метафорической картины мира («огонь войны», «снег в огне заката»). Подобное совмещение прямого и переносного значений создаёт семантическое напряжение, характерное для поэтики Бондарева.

Особую роль в романе играют так называемые «командные слова» – краткие лексемы приказного характера: «Огонь!», «К орудию!», «Отбой!». Их функция в тексте двояка: с одной стороны, они создают иллюзию документальности; с другой – ритмически организуют напряжённые сцены боя, выполняя структурообразующую функцию на уровне нарративной динамики. Как отмечает В.Я.Лакшин в своём исследовании «военной прозы», у Бондарева «краткость военного приказа становится эстетической категорией» [цит. по: 7, с. 160].

Таким образом, военная лексика в «Горячем снеге» выполняет три основные функции: референтивную (точное обозначение реалий войны), характерологическую (раскрытие социального и профессионального облика персонажей) и экспрессивно-оценочную (создание эмоционального тона повествования). При этом терминологическая точность выступает у Бондарева как этическая позиция: называть войну её собственным языком – значит не позволять ей превратиться в абстракцию.

«Турецкий гамбит» принадлежит к серии романов о Фандорине – персонаже, действующем в различных исторических эпохах. Война здесь – не главная тема, а историческое пространство, в котором разворачивается детективный сюжет. Это принципиально иное по сравнению с Бондаревым отношение к военной тематике неизбежно сказывается на функционировании военной лексики.

В романе Акунина можно выделить следующие группы военных лексем. Первая – историческая военная терминология: «турецкий редут», «янычар», «башибузуку», «денщик», «ординарец». Часть этих слов принадлежит к архаической лексике, часть – к специфически «восточному» военному словарю. Их употребление создаёт исторический колорит, однако отличается от документальной точности Бондарева:

Акунин использует архаизмы избирательно, сочетая их с лексикой, анахроничной для изображаемой эпохи. Это соответствует установке на «игровую историчность», описанной в работе М. Н. Липовецкого применительно к постмодернистской прозе [цит. по: 6, с. 89].

Вторая группа – стратегическая и тактическая лексика: «диспозиция», «фланговый манёвр», «капитуляция», «рекогносцировка». Показательно, что именно эти слова вложены преимущественно в уста военных персонажей – генералов и офицеров штаба. Тем самым военная терминология у Акунина становится маркером социального статуса и профессиональной принадлежности персонажа, то есть выполняет ту же характерологическую функцию, что и у Бондарева. Однако в «Турецком гамбите» эта функция осложняется иронической дистанцией: читатель, знакомый с жанровыми конвенциями детектива, воспринимает военную атрибутику как часть «декорации».

Третья группа – лексика разведки и шпионажа, занимающая центральное место в сюжете: «шифр», «агент», «донесение», «конфидент», «двойной агент». Эта группа находится на пересечении военного и детективного дискурсов, что порождает семантическую двойственность: слово «донесение», например, функционирует одновременно как военный термин и как элемент детективной интриги, меняя смысловые акценты в зависимости от контекста.

Принципиально важна у Акунина роль иностранных военных заимствований: «аскер», «топчи», «паша». Их употребление создаёт эффект «чужого голоса», маркируя другую культуру и другую военную систему. В этой функции военная лексика работает как элемент диалогической структуры текста в понимании М. М. Бахтина [цит. по: 2, с. 143].

Сопоставление показывает, что при внешнем сходстве – оба автора используют военную лексику как структурообразующий элемент художественного текста – механизмы и цели её употребления принципиально различаются.

Во-первых, у Бондарева военная лексика семантически монолитна: терминологические единицы сохраняют своё профессиональное значение и лишь получают дополнительные коннотации в контексте. У Акунина та же лексика семантически полифонична: одно и то же слово способно одновременно обслуживать несколько дискурсов – исторический, детективный, иронический.

Во-вторых, у Бондарева военная лексика несёт этическую нагрузку: точность наименования связана с памятью о войне, с ответственностью перед павшими. У Акунина военная лексика эстетизирована и геймифицирована – название романа «Турецкий гамбит» само по себе задаёт шахматную метафору, переводя войну в пространство интеллектуальной игры.

В-третьих, в «Горячем снеге» военный жаргон является органичной частью речи персонажей, тогда как в «Турецком гамбите» он вводится как стилизованный элемент, дистанцированный авторской иронией. Это различие отражает более широкое

разграничение между «литературой опыта» и «литературой игры», намеченное в современных исследованиях исторической прозы [6, с. 102].

Примечательно, что оба автора избегают натуралистической батальной лексики: ни Бондарев, ни Акунин не насыщают тексты физиологическими подробностями военного насилия. Это стилистическое решение имеет, однако, разные основания: у Бондарева – этический императив, у Акунина – жанровые ограничения детектива, где смерть присутствует как загадка, но не как физическая реальность.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Военная лексика в обоих произведениях функционирует не как нейтральный пласт специальной лексики, а как художественно нагруженный элемент текста, несущий смысловую, экспрессивную и структурную нагрузку. При этом характер этой нагрузки определяется жанровой природой произведения, авторской интенцией и типом адресата.

У Юрия Бондарева военная лексика – прежде всего инструмент правды о войне: документальная точность наименования становится формой уважения к исторической памяти. У Бориса Акунина та же лексика превращается в элемент постмодернистской игры с историей: она создаёт иллюзию подлинности, одновременно деконструируя её через иронию и жанровые условности.

Сопоставительный анализ военной лексики в текстах разной художественной природы представляется перспективным направлением для дальнейших исследований. В частности, актуальным остаётся изучение функционирования военного жаргона в современной «окопной прозе», а также сравнительный анализ стратегий исторической военной стилизации в отечественной и зарубежной беллетристике.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
2. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Язык и речь современного города. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 496 с.
5. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: монография. – Череповец: ЧГУ, 2005. – Ч. 1. – 379 с.
6. Пиперски А.С. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 224 с.
7. Овчаренко А.И. Большая литература: Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945–1985 годов. – М.: Современник, 1985. – 446 с.
8. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1987. – 240 с.